

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КОШЕЛЕВА

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской
филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петроза-
водск, Российская Федерация)
koshelevamasha@bk.ru

ИНФИНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ В ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ

А н н о т а ц и я . Особенность прибалтийско-финского синтаксиса состоит в его глагольности. В статье рассматриваются синтаксические конструкции вепсского языка, включающие в себя форму I инфинитива и иллативную форму III инфинитива. Обе формы могут быть сопоставлены с единственным инфинитивом индоевропейских языков. Выполняя адвербиальную (финальную и локальную) и объектную функции, конструкции с вышеуказанными формами являются самыми продуктивными из всех инфинитивных конструкций. Вепсский язык хорошо сохранил практически все инфинитивные формы, однако под влиянием русского синтаксиса нарушилась стройная картина их употребления в речи. Сейчас же, когда идет развитие вепсского письменного языка, важно разработать или восстановить картину употребления названных конструкций. Цель статьи – определить функции обеих форм, особенности их употребления и причины их одновременного использования в диалектах вепсского языка и его младописьменной форме, рассмотрев их с точки зрения переходности основного глагола в конструкции и их синтаксической роли в предложении. Категория переходности / непереходности глагола играет большую роль в определении синтаксической роли инфинитивной конструкции. Важное значение в выборе формы инфинитива играет синтаксическая функция самого инфинитива, которая зависит от семантики финитного глагола. Анализ проводится с использованием сравнительного и описательного методов. Для анализа использован языковой диалектный материал, а также материал развивающейся литературной нормы вепсского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : инфинитивные конструкции, вепсский язык, III инфинитив, I инфинитив, адвербиальная функция

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кошелева М. В. Инфинитивные конструкции с семантикой направления движения в вепсском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.682

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью прибалтийско-финского синтаксиса является его глагольность. Вепсский язык, обладающий краткой историей функционирования письменности и существовавший в основном лишь в форме устной речи, сумел сохранить это глагольное многообразие и даже нарастил его, поскольку обладает, кроме основного, рефлексивным спряжением с особыми лично-числовыми показателями, формами всех четырех времен в кондиционале и особыми показателями основного глагола в отрицательных формах, что выделяет его на фоне родственных прибалтийско-финских языков, характеризую еще большей глагольностью [2]. Сохранилась в нем довольно хорошо и система инфинитивов, которая в прибалтийско-финской языковой семье является богатой и разнообразной. Они входят в различные модальные конструкции, в которых

предикат (сказуемое), являясь главным членом предложения, определяет синтаксические функции других его членов.

Инфинитив является именной формой глагола, обладающей глагольными и именными функциями. Инфинитивам не присущи такие глагольные категории, как наклонение и время, но свойственны такие важные черты имени, как наличие отдельных падежных форм [7: § 490]. В предложении инфинитивы выполняют синтаксическую роль как главных, так и второстепенных членов, которая свойственна именным формам [3: 269]. Форма I инфинитива по широте и универсальности своих синтаксических функций сходна с инфинитивом индоевропейских языков [1: 9]. Она может самостоятельно формировать предложение, в котором нет финитных глаголов, а также выступать в роли дополнения к финитному глаголу [6: 150], то есть к глагольному сказуемому.

Основными функциями I инфинитива являются функции объекта (*Unohtin tehtä* ‘я забыл сделать’) или субъекта (*Om čoma olda tervhen* ‘хорошо быть здоровым’). Однако форма I инфинитива также употребляется для выражения цели действия, выполняя адвербиальную (финальную) функцию: *Vot ištthe hö čajud d’omha* ‘Вот сели они чай пить’ (ÄVN: 10)¹. Иллативная форма III инфинитива, или **-ma-** инфинитив, в свою очередь, всегда выступает в связке с финитным глаголом. Основное значение иллативной формы III инфинитива – выражение цели действия финитного глагола. Другими словами, такая конструкция выполняет в предложении роль обстоятельства места или цели действия. По функции иллативная форма III инфинитива сопоставима с инфинитивом русского и ряда других индоевропейских языков. В подавляющем большинстве случаев данная форма употребляется в сочетании с глаголами движения *mända* ‘идти’, *tulda* ‘приходить’, *lähtta* ‘отправляться’, *joksta* ‘бежать’, *ajada* ‘ехать’. Реже в связке с иллативной формой III инфинитива могут употребляться глаголы других лексико-семантических групп: *kucta* ‘звать’, *opeta* ‘учить’, *otta* ‘взять’, *jäda* ‘остаться’ и т. д. Конструкции, в которых форма I инфинитива и иллативная форма III инфинитива являются дополнением к финитному (модальному) глаголу, отличаются особой продуктивностью в вепском языке.

* * *

Адвербиальная функция инфинитивных конструкций с формами I и III инфинитива может быть локальной или финальной. **Локальный** адвербиал, или обстоятельство места, является основным и выступает в конструкциях, где субъект или объект основного глагола является своеобразным «создателем» действия, выраженного инфинитивом [8: 237]. В предложении *[Minä] mänen mest prijätel’annost vüigad pakičemha* ‘Пойду снова к приятелю в долг просить’ (ОВР: 91)² субъект является «создателем» действия, выраженного предикатом, и действия, выраженного инфинитивом.

В предложении *[Minä] kucun heid kalatamha* ‘Я позову их рыбачить’ субъект «я» выполняет действие предиката *kucun* ‘позову’, но создателем действия, выраженного инфинитивом, является объект предложения *heid* ‘их’. Более абстрактной функцией иллативного инфинитива можно назвать **финальную**. Она выступает тогда, когда выражаемое инфинитивом действие направлено не конкретно на определенное место, а обозначает цель этого действия: *Läksiba čortad, hän panhe magatha* ‘Ушли черти, он лег [для чего? с какой целью?] – [чтобы] спать’ (ОВР: 23). В данном случае инфинитив указывает на причину действия предиката.

Граница между финальной и локальной функциями не всегда четко выражена и заключается в семантике основного финитного глагола и синтаксической функции самого инфинитива [8: 229]. Так, в предложении *Mänen mest prijätel’annost vüigad pakičemha* ‘Пойду снова к приятелю в долг просить’ функция инфинитивной конструкции будет зависеть от вопроса, задаваемого финитным глаголом. *Mänen [kuna?] – pakičemha* ‘пошел [куда (что делать)?] – просить’, в данном случае выступает локальная функция, но в случае *mänen [mikš?] – pakičemha* ‘пошел [для чего, с какой целью?] – чтобы попросить’ выступает финальная функция. *Nenile kolosnikole ištutpat snapud kuivata* ‘На эти колосники сажат снопы для просушки’ (букв. ‘сушить’) (ОВР: 253). *Ištutpat [kuna?] – kuivata* ‘садили [куда?] – на сушку’ (локальная функция), но *Ištutpat [mikš?] – [miše] kuivata* ‘сажали для чего? – (чтобы) сушить’ (финальная функция).

Данные примеры демонстрируют ситуацию, когда инфинитивная форма выполняет адвербиальную функцию. Но если в первом случае выступает иллативная форма III инфинитива (*pakičemha*), то во втором это форма I инфинитива (*kuivata*). Здесь стоит задача определить условия для выбора инфинитивной формы. Имеет ли значение семантика финитного глагола? Для ответа на этот вопрос мы обратились к исследованию Паули Саукконена [8], который рассмотрел инфинитивы прибалтийско-финских языков с точки зрения их истории, образования и функционирования. Большое внимание в работе ученого было уделено именно формам I инфинитива и иллативной форме III инфинитива в силу их продуктивности использования во всех прибалтийско-финских языках. Такие инфинитивы Саукконен называет *tulosjainfinitiivit* ‘инфинитивы с семантикой направления движения’ [8], так как основным членом предложения, в роли которого выступает такой инфинитив, является обстоятельство (локальная и финальная функции). Он считал, что в классификации инфинитивных глаголов прибалтийско-финских языков, выступающих совместно с основным глаголом и выполняющих адвербиальную функцию, очень важным аспектом является транзитивность / интранзитивность основного финитного глагола [8: 56]. В интранзитивном предложении форма иллатива выражает действие, исполняемое субъектом основного непереходного глагола: *lähten lugemaha* ‘я пошел читать’, а в транзитивном предложении – действие, исполняемое объектом основного переходного глагола: *kucun sindai lugemaha* ‘зову тебя читать’. Таким образом, конструкция с иллативной формой III инфинитива может выступать как в роли субъектной, так и в роли объектной [1: 141]. Ученый рассмотрел

прибалтийско-финские финитные глаголы, в связке с которыми используются инфинитивы. Он разделил финитные глаголы по категориям переходности / непереходности, утверждая, что от этой категории зависит синтаксическая функция инфинитива, и в соответствии с этим его форма. Подход П. Саукконена был положен в основу данной статьи с целью проследить зависимость выбора инфинитива от категории переходности основного глагола в вепском языке. Вепский язык хорошо сохранил все основные инфинитивные формы, однако под влиянием русского синтаксиса нарушилась стройная картина их употребления в речи, происходит смешение продуктивных форм I и III инфинитива. Сейчас же, когда идет преподавание вепского языка, создаются учебные пособия, развивается вепская литература, важно разработать или восстановить эту картину употребления названных конструкций, их зависимость от сочетаемости с другими формами и типами глагольного окружения, что позволит более четко сформулировать правила употребления данных конструкций и в устной, и в письменной речи.

Для анализа были выявлены группы глаголов, которые выступают в связке с формами I и III инфинитивов. Их использование было рассмотрено с точки зрения употребления как в вепских говорах, так и в разрабатываемой литературной норме языка. Мы разделили финитные глаголы на группы по переходности / непереходности, что, как полагаем, даст возможность проследить взаимосвязь употребления формы I или III инфинитива в составе инфинитивной конструкции в зависимости от данной категории. Для анализа были выбраны наиболее продуктивные вепские глаголы, которые встретились в списке упомянутой работы [8].

Переходные (транзитивные) глаголы – это глаголы, которые помимо субъекта сочетаются с именем в значении прямого объекта, другими словами, их действие всегда направлено на объект [7: § 461]. Переходные глаголы сочетаются с именем в функции прямого объекта. Среди подобного типа глаголов в вепском языке можно выделить такие глаголы, как *opeta* ‘учить’, *zavodida* ‘начинать’, *kucta* ‘звать’, *kannta* ‘нести’, *abutada* ‘помогать’, *tarita* ‘предлагать’, *käskta* ‘приказать’, *panda* ‘положить’. П. Саукконен пишет, что если объект основного финитного глагола является создателем действия, выраженного инфинитивом, то в роли инфинитива может быть как **-da-**, так и **-ma-** (то есть как I, так и III) инфинитив [8: 180]. Анализ вепских примеров подтвердил это положение и применительно к вепскому языку: переходные финитные глаголы выступают в связке с иллативной формой III инфинитива в том случае, когда инфинитивная кон-

струкция выражает действие объекта основного глагола, выполняя адвербиальную функцию. Форма I инфинитива выступает в том случае, если инфинитив выполняет объектную функцию, то есть является единственным объектом при сказуемом (предикате).

Иллативная форма III инфинитива:

***Oigeta* ‘отправлять’.** Глагол *oigeta* является транзитивным глаголом. Во всех говорах вепского языка, а также в младописьменной норме он употребляется с иллативной формой III инфинитива, которая выполняет адвербиальную функцию, выражая действие объекта предложения:

(1) (с/в) *Oigendan kacmaha / oigendan pesta* ‘отправлю посмотреть / помыть’ (ПМ); (2) (ср/в) *razbainikad ühten oigenziba kundelmaha* ‘разбойники одного отправили послушать’ (ОБР: 91); (3) (ю/в) *A razbainikad ühten oigens'pat kundõmha seinan tagapäi* ‘А разбойники одного отправили подслушать из-за стены’ (NEV: 26)³; (4) (мл.) *oigenziba kacmaha händast* ‘[Они] отправили позвать его’ (UZ: 85)⁴.

***Opeta, opetas* ‘учить, учиться’.** Глагол *opeta* требует объекта, отвечающего на вопросы «учить кого?» и «учить чему?». В модальной конструкции выступает с иллативной формой III инфинитива во всех говорах вепского языка. В прибалтийско-финской языковой системе глагол *opeta* требует всегда иллативной формы III инфинитива [7: § 479], выполняющей функцию обстоятельства. Однако в редких примерах (7) встречается употребление конструкции с формой I инфинитива, вызванное, вероятно, двуязычностью вепсов и влиянием русского языка, что приводит к переходу на русскую модель [5: 48]:

(5) (с/в) *Opendaškee lemmaha itšeim maksäst nähmaha* ‘Научи-ка летать, своего милого увидеть’ (ÄVN: 26); (6) (ср/в) *a sinä miid ninga opendeižid vānmaha?* ‘А ты нас научил бы так играть?’ (ОБР: 23); (7) (ср/в) *Oi, sinä gor'a, minä sindei opendan sut'ras* (I Inf.) ‘Ой, ты бедный, я научу тебя судиться’ (ОБР: 28); (8) (ю/в) *kaikutšid zverid mä sinda opendan sada tauvõ* ‘Любого зверя я научу тебя ловить зимой’ (NEV: 98); (9) (мл.) *Minä opendan händast poimimaha, kudomaha, – sanui ak* ‘Я научу ее вышивать, вязать, – сказала женщина’ (Silakova)⁵.

***Kucta* ‘звать’.** Являясь переходным глаголом, требующим (или подразумевающим) объект, глагол *kucta* способен оформляться обстоятельством, отвечающим на вопрос «куда?», и, соответственно, используется в большинстве случаев в связке с иллативной формой III инфинитива, которая является преимущественной. Однако пример (10) иллюстрирует ситуацию, в которой в северновепском говоре используется форма I инфинитива. По данным информантов, в северновепском говоре употребляются обе формы: *kucun ujuda* ‘позову купаться’, но *kucun pagižmaha* ‘позову разговаривать’ (ПМ):

(10) (с/в) *Mužik kutsub neitšukaizen magatta* ‘мужчина зовет девочку спать’ (NÄKM: 75)⁶; (11) (ср/в) *mäned*,

kucud päčid lõmha ‘пойдешь, позовешь печь сделать’; (12) (ю/в) *Kucun sel'sovetaspäi aktad kirjutamha* ‘Позову из сельсовета акт написать’ (ОВР: 212); (13) (мл.) *A tulin kumaha grähkhižid käraudamhas Jumalaha* ‘Пришел призывать грешников повернуться к Богу’ (UZ: 19).

Глаголы *panda* ‘класть’ и *pästta* ‘отпускать’ в сочетании с иллативной формой III инфинитива образуют каузативную модальную конструкцию. Они так же, как и рассмотренные переходные глаголы, выступают с обстоятельством, отвечающим на вопрос «куда?» или «для чего», «с какой целью?».

Panda ‘класть’:

(14) (с/в) *Ukk pani händast traftireihe torgiimaha* ‘Старик поставил его в трактире торговать’ (NÄKM: 6); (15) (ср/в) *Keiti heile kartoškid, magatha panoti* ‘Сварил им картошки, спать положил’ (ОВР: 187); (16) (ср/в) *Rungit raamei jomha da jotamei* ‘Кладем мякоть, чтобы пить [для питья], и поим’ (ОВР: 50); (17) (мл.) *Jäl'ges mamoi heitab kindhad, paneb kuimaha päčinkarha* ‘После мама снимает рукавицы, кладет сушиться на печь’ (Lardot: 10)⁷.

Pästta ‘отпускать’:

(18) (с/в) *Pästa mindai vilugiitelmahaze* ‘Пусти меня охладиться’; (19) (с/в) *Da änižehe pästan ujumaha* ‘И в Онего пушу поплавать’ (SUST: 152)⁸; (20) (ю/в) *Ed abutand tehta milem pertid, ka en pästa elämha* ‘Ты не помог строить мне дом, и не пушу жить’ (СВЯ: 18)⁹; (21) (мл.) *Emäg, mindai ižand pästi ödumaha* ‘Хозяйка, меня хозяин пустил ночевать’ (Sotnikova)¹⁰.

Во всех представленных глаголах инфинитивная конструкция является объектной, то есть инфинитив обозначает действие, выраженное объектом основного глагола, но сам инфинитив выполняет адвербиальную функцию.

Форма I инфинитива:

Zavodida ‘начинать делать что-либо’. Глагол *zavodida*, обозначающий начало действия, заимствован из смежных русских говоров: *заводить* ‘начинать делать что-либо’ (СРНГ: 323–324)¹¹. В вепском языке в основном употребляется в связке с формой I инфинитива, что свидетельствует о проникновении в вепское бытование не только самого глагола, но и его синтаксической специфики. Так же, как и в русскоязычной конструкции, в вепском языке глагол *zavodida* используется с формой I инфинитива [2: 202]. И лишь в одной из книг образцов вепской речи из Финляндии удалось найти случай связки глагола *zavodida* с иллативной формой III инфинитива из северновепского диалекта: *Minä zavodimii metsastamha* ‘я начал охотиться’ [8: 38]. Надо полагать, что данная ситуация могла быть спровоцирована и карельским языковым воздействием, которое, как известно, в отдельных случаях отличает северновепский диалект от других вепских диалектов [4: 98]:

(22) (с/в) *I zavottihe sizared dumaida, kut uitta* ‘И начали сестры думать, как им убежать’ (СВЯ: 550); (23) (ср/в) *Narod zavodib kidastada* ‘Народ начинает кричать’ (ОВР:

9); (24) (мл.) *Rates lekarin Lönnrot zavodi kerata karjalaiž-suomalašt fol'klorad* ‘Работая врачом, Лённрот начал собирать карело-финский фольклор’ (Filatova)¹².

Abutada ‘помогать’. Из примеров 25–29 следует, что глагол *abutada* образует конструкцию с формой I инфинитива, который не выполняет здесь функцию обстоятельства, а представлен дополнением, то есть выступает в роли объекта. В финском же языке глагол *auttaa* ‘помогать’ выступает в связке с иллативной формой III инфинитива, ср. (фин.) *autan häntä tekemään* ‘помогу ему сделать’, *vetämään* ‘помогу провести’, то есть инфинитив выступает в роли обстоятельства. Нужно отметить, что и в целом синтаксическое бытование вепского глагола *abutada* аналогично русскому: *abutada mamale* ‘помочь (кому?) маме’, в то время как в финском языке совершенно иное управление *auttaa [ketä? – kogo?] äitiä*, букв. ‘помочь маму’, где *äitiä* выступает объектом. Видимо, в вепском и инфинитивная конструкция уподобилась соответствующей русской:

(25) (с/в) *I kondi abut' ukole regen panda* ‘и медведь помог старику сани поставить’ (SUST: 162); (26) (ср/в) *I jumä abutab spraudaze* ‘И Бог поможет поправиться’ (ОВР: 262); (27) (ю/в) *künded abutadas libuda mägehe* ‘Когти помогают подняться в гору’ (ОВР: 273); (28) (ю/в) *Lehm kandaškab, ii vii rot't'a ka abutad vedada vazan* ‘Корова телится, если не может телиться – помогаешь вытянуть теленка’ (ОВР: 280); (29) (мл.) *Institut abutab suomalaiž-ugrialaižiden maiden rahvahile kosketadas* ‘Институт помогает финно-угорским народам общаться’ (Filatova, 2009)¹³.

Tarita ‘предлагать’. В прибалтийско-финских языках глагол *tarjota* ‘предлагать’ образует модальную конструкцию вместе с иллативной формой III инфинитива [8: 100]. В северновепском и средневепском диалектах рефлексивная форма данного глагола *taritas* ‘проситься’ встречается в конструкции с формой III инфинитива (см. ниже). Однако анализ примеров младописьменной нормы (30–31) показал, что с невозвратным глаголом *tarita* ‘предлагать’ наиболее употребительна форма I инфинитива, синтаксическая функция которой является объектной, отвечающей на вопрос «чего / что?». Она повсеместно встречается во всех современных текстах. Возможно, конструкция с III инфинитивом утрачена под русским воздействием. В говорах же вепского языка глагол *tarita* редко встречается в виде модальной конструкции, чаще вместе с объектом, выраженным существительным: *mäno da tariče lehm stadha* ‘иди и предложи корову в стадо’ (ОВР: 280):

(30) (мл.) *Laura tariči minei ühtes kacta neche materia-laha* ‘Лаура предложила мне вместе посмотреть на этот материал’ (Baburova)¹⁴; (31) (мл.) *pani kalun pähä i tariči hänele joda* ‘Поставил на голову и предложил ему попить’ (UZ: 75).

Ladida ‘намереваться, пытаться’. Семантически данная форма является рефлексивной, но с точки зрения вепсского языка рефлексивной является только форма *ladidas* (см. ниже). Сам глагол – это русское заимствование, и примеры 32–34 показывают, что его синтаксическое восприятие, подобно глаголу *zavodida*, перешло в вепсский язык из русского. Нереклексивная форма *ladida* выступает уже в связке с I инфинитивом, который выполняет функцию объекта, отвечая на вопрос «mitä? – чего (сделать)?»:

(32) (с/в) *Tö miit' pičiižit' veit da ladit tüumata* ‘Вы нас маленьких отвезли и хотели заморозить’ (ОВР: 188); (33) (ю/в) *Hël' tat pigä ladip kōda i basip poigile* ‘Отец у них скоро собрался умирать и говорит сыновьям’ (Posti: 111)¹⁵; (34) (мл.) *ladim virkta oiktas pajoiden sanoid* ‘мы пытались правильно произносить слова песни’ (Filatova, 2009).

Käskta ‘приказать’. Глагол *käskta* – типичный переходный глагол, который сочетается с прямым объектом. Инфинитив, находящийся в конструкции с данным глаголом, выполняет функцию дополнения или объекта, отвечая на вопрос «чего (сделать)?». Во всех говорах и в младописьменной норме вепсского языка глагол *käskta* используется с формой I инфинитива:

(35) (с/в) *Mä, käske tehta polusapkad* ‘Иди, прикажи сделать полусапожки’ (ÄVN: 40); (36) (с/в) *Käski hän miile valita mid'a tariž ka* ‘Приказал он нам выбрать, что нужно’ (ОВР: 25); (37) (с/в) *Ühtelo käskem nüt'küita* ‘Одному прикажем выдернуть’ (ОВР: 151); (38) (ю/в) *A netsen durakon käskibat kod'he mända* ‘А этому дураку приказали домой идти’ (NEV: 72); (39) (мл.) *Jäl'ges andoiba kädehe kirjutimen i käskiba panda nimen* ‘После давали в руку ручку и приказывали написать имя’ (Lardot: 15).

Рассмотрим еще один переходный глагол **roht't'a** ‘осмелиться’. Этот глагол используется или самостоятельно: *ka mijak mina en rohti?* ‘а чего я не посмею?’, или в связке с инфинитивом, который представлен дополнением, отвечая на вопрос «чего (делать)?». В ходе анализа примеров стало очевидно, что в данной инфинитивной конструкции выступает форма I инфинитива. Глагол *roht't'a*, являясь переходным глаголом, имеющим при себе объект, единственной формой которого выступает форма I инфинитива:

(40) (с/в) *Ezmei hän ii rohtnu abidiita lujas* ‘Вначале она не смела обижать сильно’ (BC: 34)¹⁶; (41) (с/в) *Kaikid'se en rohtn'u kerata* ‘Все-то не осмел брать’ (ОВР: 108); (42) (мл.) *Minä en rohtind sōda matain aigan* ‘Я не смела есть вместе с мамой’ (Lardot, 16).

Непереходные (интранзитивные) глаголы, выражающие действие, не направленное на объект, также употребляются в связке с иллативной формой III инфинитива или формой I инфинитива. По мнению П. Саукконена, если субъект основного непереходного глагола в прибалтийско-

финских языках является создателем действия, выраженного инфинитивом, инфинитив также может выступать в обеих формах [8: 59]. Однако анализ приведенных ниже финитных непереходных глаголов в вепсском языке показал, что инфинитив, находящийся в связке с ними, выступает преимущественно в иллативной форме III инфинитива, который выполняет адвербиальную функцию. Ярким примером здесь являются непереходные глаголы движения, которые отвечают на вопрос «куда?». Подобную модель вепсский язык сохранил лучше всего в первоначальном прибалтийско-финском виде. Ниже приведены примеры глаголов движения в модальной конструкции.

Lähtta ‘отправляться’:

(1) (с/в) *Pidab lähtta toižhe prihodaha rod'mahaze* ‘Нужно отправиться в другой приход рожать’ (ÄVN: 10); (2) (с/в) *Pätnižan lahit' he hebiid ets'maha* ‘В пятницу отправились лошадь искать’ (NÄKM: 4); (3) (с/в) *Lähttas kargaidamha ka dōočkid ottas* ‘Отправляются танцевать, да девочек берут’ (ОВР: 184); (4) (ю/в) *Lähtob ajamha ka otab kaks' kalušt'* ‘Поедет (зд. ‘отправится ехать’), да возьмет две палки’ (ОВР: 251); (5) (мл.) *Mamoi läksi kacuhтамha – seižub-ik vōl meiden pert'* ‘Мама отправилась посмотреть, стоит ли еще наш дом’ (Lardot: 29).

Tulda ‘приходить’:

(6) (с/в) *Tulim mina kerdan sōmha* ‘Пришел я однажды поест’ (ÄVN: 80); (7) *neidihe neidihe, n'ugun'e tule minunke magatta* ‘девочка, девочка, теперь иди со мной спать’ (SUST12: 160); (8) (с/в) *Uniš tuli ühteze zerklōho kacmaha* ‘Во сне пришел в одно зеркало смотреть’ (ОВР: 70); (9) (ю/в) *Tul' kristimam nägenhtamha* ‘Пришла крестная мама посмотреть’ (SUST: 13); (10) (мл.) *opendai tuli pordhile kaimdamaha mindai* ‘учитель пришел на крыльцо проводить меня’ (Lardot: 17).

Однотипные конструкции образуют и другие глаголы этой семантической группы: *mānda* ‘идти’, *astta* ‘шагать’, *libuda* ‘подниматься’, *ajada* ‘ехать’ и т. д.

Jüda ‘оставаться’:

(11) (с/в) *Akk däi kodihe kaliteid str'apmaha* ‘Женщина осталась дома калитки печь’ (NÄKM: 3); (12) (с/в) *Pidab d'ada ühtele mehele karavul'maha netsidä vorad* ‘Нужно остаться одному человеку караулить этого вора’ (ÄVN: 48); (13) (с/в) *Üks' oficer jäi vard'oičemha* ‘Один офицер остался охранять’ (SUST: 64); (14) (ю/в) *A mä iän künmha* ‘А я останусь полоть’ (NEV: 59); (15) (мл.) *Ken sigä om arvokaz, i jägat hānennoks elümaha* ‘Кто там ценный, и оставайтесь у него жить’ (UZ: 23).

Tōnduda ‘приступать, отправиться’:

(16) (с/в) *Tōndui ecmähä* ‘Пошел искать’ (ОВР: 143); (17) (с/в) *Jäl'ges vihmad tōnduiba kazmaha sened* ‘После дождя грибы пошли в рост (начали расти)’ (СВЯ: 595); (18) (мл.) *I mamoi tōndui lugemaha prihoid* ‘И мама отправилась (начала) считать’ (Lardot: 20).

К этой же группе можно отнести ряд **рефлексивных** глаголов, которые подобно глаголам

движения отвечают на вопрос «куда?». Действие рефлексивных глаголов направлено непосредственно на сам субъект. Представим эту группу следующими глаголами.

***Ištta* ‘садиться, сесть’:**

(19) (с/в) *Vot ištthe hō čajud d'omha* ‘Вот сели они чай пить’ (ÄVN: 10); (20) (ср/в) *Mö ehtkeičuu lämeime sōmha išttime* ‘Мы вечером теплым сели есть’ (ОВР: 185); (21) (ю/в) *Homentsō ištuhō sōtmhä* ‘Утром сели есть’ (SUST: 10); (22) (мл.) *Babam koumen tütrenke ištuihe sōmha stolan taga* ‘Бабушка с тремя дочерьми села за стол’ (Lebedeva)¹⁷.

***Taritas* ‘проситься’.** Здесь прослеживается бытование исконной вепской конструкции. Инфинитив, выступающий в связке с рефлексивной формой рассматриваемого глагола, выполняет в конструкции роль обстоятельства, отвечая на вопрос «куда?»:

(23) (с/в) *Taritsihe mejale el'amaha* ‘Попросились (букв. ‘предложились’) к нам пожить’ (ÄVN: 561); (24) (ср/в) *laps' taričiezh gul'aimaha* ‘ребенок попросился гулять’ (СВЯ: 561).

***Ladidas* ‘намереваться, собираться’.** Этот глагол, как и глагол *taritas* ‘предлагать’, является относительно молодым в прибалтийско-финской языковой системе и требует формы III инфинитива, это является закономерным для рефлексивно-транзитивных глаголов [8: 99]. Анализ примеров (25) показал, что в южновепском диалекте встречается рефлексивная форма данного глагола, которая выполнит функцию обстоятельства и выступает в связке с иллативной формой III инфинитива:

(25) (ю/в) *Homencou nouzibad i mösten ladleso svad' bad nähmha* ‘Утром встали и снова собираются свадьбу смотреть’ (NEV: 58).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория переходности / непереходности глагола играет большую роль в определении синтаксической роли инфинитивной конструкции. Важное значение в выборе формы инфинитива играет синтаксическая функция самого инфинитива, которая зависит от семантики финитного глагола. Иллативная форма III инфинитива выступает тогда, когда инфинитивная конструкция выполняет четко адвербиальную роль, выступая в связке с непереходными и переходными финитными глаголами с семантикой направления движения и выполняя финальную или локальную функции. В случае с переходными глаголами должно соблюдаться следующее условие: инфинитивная конструкция выражает действие объекта основного глагола, выполняя адвербиальную функцию и образуясь по схеме: Финитный глагол + объект (сущ-е) [подразумевается] + адвербиаль (илл. инф): *Kucun sel'sovetaspäi aktad kirjutamha* ‘Позову из сельсовета [кого-то] (куда? с какой целью?) акт написать’. Форма I инфинитива выступает в том случае, если инфинитив выполняет объектную функцию, то есть является единственным объектом при сказуемом (предикате): *Mä, käske [hänele] tehta polusapakad* ‘Иди, прикажи [ему] сделать полусапожки’. Однако если адвербиальная (особенно локальная) семантика размыта, на смену III инфинитиву приходит I, который функционально сближается с объектом: *n'ugud'e tule minunke magatta* ‘теперь иди со мной спать’. Дополнительным обстоятельством, способствующим такому переходу, является значительное и длительное по времени русское воздействие, которое испытал вепский синтаксис.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

с/в – северновепский диалект
ср/в – средневепский диалект
ю/в – южновепский диалект
мл. – младописьменная норма
ПМ – Полевые материалы автора

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ÄVN – Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: SUS, 1982. 171 s. В круглых скобках – ÄVN, через двоеточие – страницы.
- ² ОВР – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи / АН СССР, Карел. филиал. Л.: Наука, 1969. 295 с. В круглых скобках – ОВР, через двоеточие – страницы.
- ³ NEV – Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki: SKS, 1926. 146 s. В круглых скобках – NEV, через двоеточие – страницы.
- ⁴ UZ – Uz' Zavet / Biblijan kändmižen institut. Петрозаводск: Карелия, 2006. 614 с. (Новый Завет на вепском языке. Переводчик Н. Г. Зайцева). В круглых скобках – UZ, через двоеточие – страницы.
- ⁵ Silakova N. Mezimujuižed sil'mäd // Kodima. 2016. № 1. С. 7.
- ⁶ NÄKM – Setälä E., Kala J. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Helsinki: SUS, 1951. 483 s. В круглых скобках – NÄKM, через двоеточие – страницы.
- ⁷ Lardot R. Segoinuded lindud // Verez tullei. 2018. № 3. С. 8–33. В круглых скобках – Lardot, через двоеточие – страницы.
- ⁸ SUST – Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista. Helsinki: SUS, 1935. 193 s. В круглых скобках – SUST, через двоеточие – страницы.
- ⁹ СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. 746 с. В круглых скобках – СВЯ, через двоеточие – страницы.
- ¹⁰ Sotnikova I. Önik // Kodima. 2018. № 5. С. 8.

- ¹¹ СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 9 (Ерепена – Заглядеться). Л., 1972. 362 с.
¹² Filatova M. “Kalevalan” tegijan päiväks // Kodima. 2019. № 4. С. 3.
¹³ Filatova M. Openduzkursad Vengrian mal // Kodima. 2009. № 10. С. 3.
¹⁴ Baburova G. Puhudes magižid sanoid // Kodima. 2019. № 1. С. 3.
¹⁵ Posti L. Vepsän teksteja. Helsinki: SKK, 1968. 136 s.
¹⁶ ВС – Вепские народные сказки: Сб. / Сост.: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996. 261 с.
¹⁷ Lebedeva V. Mägärv’. Külä, kudambas mina rodimoi // Verez Tullei. 2018. № 3. С. 33–50.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровина З. М. Инфинитивы в финском языке. Л.: ЛГУ, 1972. 208 с.
2. Зайцева Н. Г. Вепский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Петриодика, 2001. 286 с.
3. Зайцева М. И. Грамматика вепского языка (Фонетика и морфология). Л.: Наука, 1981. 361 с.
4. Зайцева Н. Г., Муллонен И. И. Формирование диалектной карты вепского языка (на материале «Лингвистического атласа вепского языка») // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 85–103.
5. Кошелева М. В. *Tehta ulu tehma*. Дистрибуция синтаксических ролей I и III инфинитивов в вепском языке // «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово»: Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2020. С. 46–51.
6. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 350 s.
7. Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T. R. & Alho I. Iso suomen kielioppi. Verkkooversio. Helsinki, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения 15.03.2021).
8. Saukkonen P. Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitiivi-rakenteiden historiaa. I. Johdanto. Adverbaali infinitiivi. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 137. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1965. 275 s.

Поступила в редакцию 20.04.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Maria V. Kosheleva, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
koshelevamasha@bk.ru

INFINITIVE CONSTRUCTIONS WITH THE SEMANTICS OF DIRECTION IN THE VEPS LANGUAGE

Abstract. One essential syntactic feature of the Baltic-Finnic languages is their verbal system. The paper addresses the Veps language syntactic constructions including infinitive I and illative infinitive III. Both forms can be compared with the only infinitive of the Indo-European languages. The said infinitives perform adverbial (final and local) and object functions, being the most productive ones of all the infinitive constructions. The Veps language has well preserved almost all of its infinitive forms, however, the impact of Russian syntax disturbed the harmonious picture of their use in speech. Now that the Veps written language is developing, it is important to form or restore this picture. The aim of the study was to define the functions of both infinitive forms, the features of their use, and the reasons for their synchronous use in the dialects of the Veps language and its written form by studying the transitivity of the main verb in the infinitive constructions and their syntactic role in a sentence. The category of verb transitivity or intransitivity is very important for determining the syntactic role of an infinitive construction. The syntactic function of the infinitive, which depends on a finite verb's semantics, plays an important role in choosing the infinitive form. The authors analyzed the dialectal language material and the developing literary norms of the Veps language using the comparative and descriptive methods.

Key words: infinitive constructions, Veps language, infinitive III, infinitive I, adverbial function

For citation: Kosheleva, M. V. Infinitive constructions with the semantics of direction in the Veps language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.682

REFERENCES

1. Dubrovina, Z. M. Infinitives in the Finnish language. Leningrad, 1972. 208 p. (In Russ.)
2. Zaitseva, N. G. The Veps verb: Comparative study. Petrozavodsk, 2001. 286 p. (In Russ.)
3. Zaitseva, M. I. Veps grammar (phonetics and morphology). Leningrad, 1981. 361 p. (In Russ.)
4. Zaitseva, N. G., Mullonen, I. I. Development of the dialectal areas of Vepsian: “Vepsian Linguistic Atlas”. *Topics in the Study of Language*. 2018;6:85–103. (In Russ.)
5. Kosheleva, M. V. *Tehta or tehma*. Distribution of syntactic functions of infinitives I and III in the Veps language. *Proceeding of the research conference “Bubrikh Readings: recorded folk speech”*. Petrozavodsk, 2020. P. 46–51. (In Russ.)
6. Grünthal, R. Vepsän kielioppi. Helsinki, 2015. 350 s.
7. Hakulinen, A., Vilkuna, M., Korhonen, R., Koivisto, V., Heinonen, T. R. & Alho, I. Iso suomen kielioppi. Verkkooversio. Helsinki, 2008. Available at: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed 15.03.2021).
8. Saukkonen, P. Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitiivi-rakenteiden historiaa. I. Johdanto. Adverbaali infinitiivi. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 137. Helsinki, 1965. 275 s.

Received: 20 April, 2021; accepted: 30 July, 2021